

*Подвиг Блокадного
Эрмитажа*

За время блокады:
От голода умерло по официальным данным – 641 тысяча горожан, по подсчётам историков – не менее 800 тысяч;
погибло от бомбёжек и обстрелов – около 17 тысяч жителей;
ранено около 34 тысяч жителей;
ленинградские доноры сдали 144 тысячи литр^ое крови для спасения раненых.

Никто не забыт,
ничто не забыто

**Вам, героическим
защитникам Ленинграда,
Вам, участникам прорыва
и снятия блокады любимого
города,**

**Вам, пережившим
страшную 900-
дневную блокаду,
Всем ныне живущим
и павшим смертью**

храбрых!

«Приказ по Государственному Эрмитажу. 22 июня 1941 г. № 168, гор. Ленинград. § 1. Выходной день 23 июня с. г. — отменяется. § 2. Указания о выходных днях для научного состава, рабочих и служащих будут даны дополнительно. Директор Государственного Эрмитажа И. Орбели». Этот лаконичный документ — первый музейный приказ военного времени — открывает эрмитажную летопись Великой Отечественной.

В первые же дни войны основные сокровища Эрмитажа были отправлены в эвакуацию.

Уже вечером 22 июня, в воскресенье (рабочий для музея день), начался перенос 40 картин под своды Особой кладовой (Галерея драгоценностей № 1). Среди них были произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рембрандта.

Работа по упаковке вещей велась круглосуточно, с небольшим перерывом на два-три часа ночью.

Спали по очереди, в залах, где шла упаковка, на стульях или на свёрнутых коврах. Даже зрительный зал Эрмитажного театра служил местом отдыха и сна.

Поскольку часть научных сотрудников была мобилизована на оборонные работы, большую помощь оказали добровольцы — студенты, художники, — пришедшие помочь Эрмитажу.

Шесть суток ушло на подготовку к эвакуации экспонатов первого эшелона — 500 тысяч единиц хранения (вся экспозиция) — время неправдоподобно малое.

**Милица Эдвиновна Матье,
специалист в области искусства
и истории Древнего Египта.**

«Все мы находились на казарменном положении. Работы велись круглосуточно... Ящики, в которые укладывались вещи, стояли на полу, и все время приходилось работать внаклонку. Вскоре у многих из нас появилось носовое кровотечение.

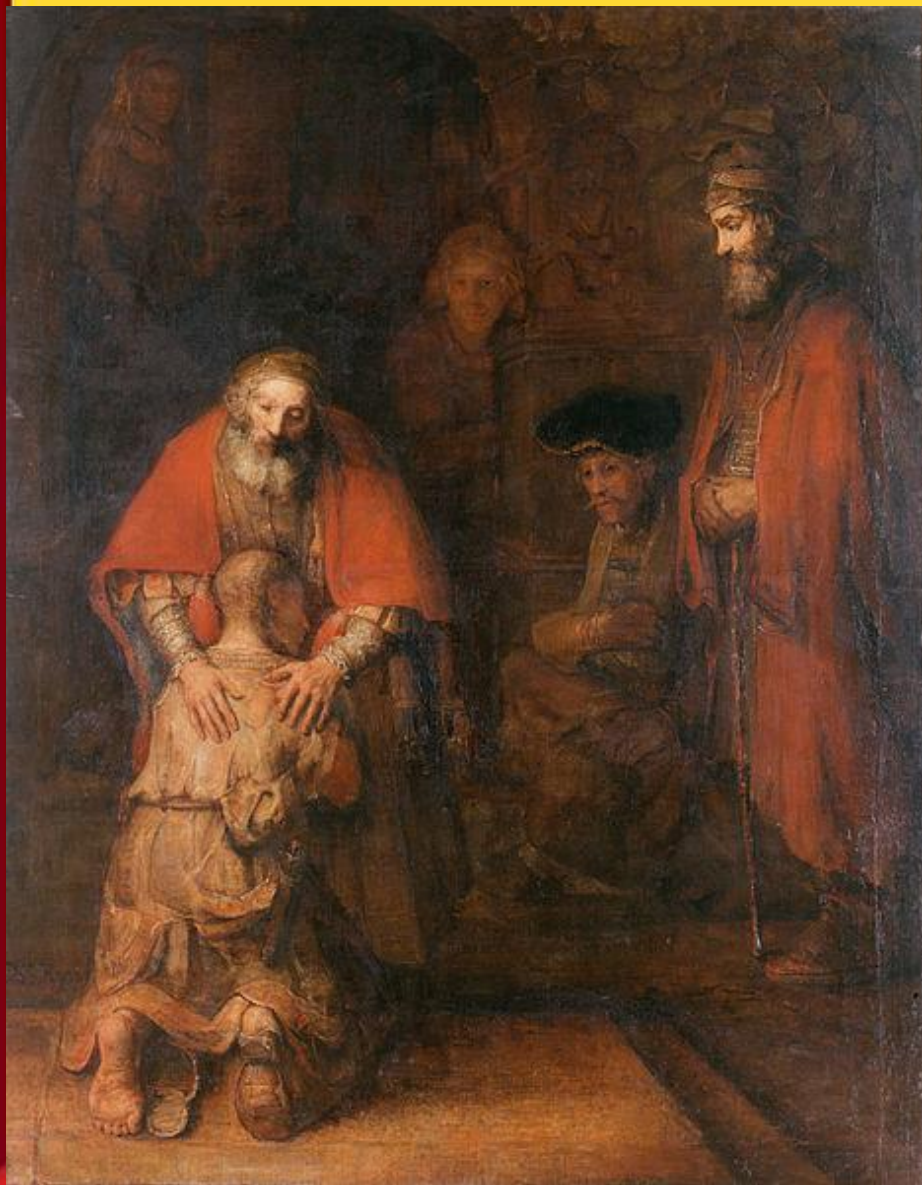
Выбившись из сил, прикорнешь под утро на полчаса... Сознание мгновенно выключится, а полчаса или час спустя какой-то внутренний толчок снова включит сознание, отряхнешься — и опять за

исключение

Картины вырезались из рамок, накручивались на валик-сделали для Рембрандта, картины «Возвращение блудного сына».

Единственное исключение
было сделано для
«Возвращения блудного
сына». Размер этой картины
— 262 сантиметра в высоту и
205 сантиметров в ширину
(5,37 квадратного метра), но
никто в Эрмитаже не
решился бы снять её с
подрамника и накатать на
вал, подобно другим
полотнам. **Ящик из досок**
толщиной три сантиметра,
специально изготовленный
для «Возвращения блудного
сына», ещё более
увеличивал габариты
огромной картины, и, хотя
всё было заранее точно
высчитано, никого не
оставляла тревога,
протиснется ли громадина
ящика в широкие двери
пульмановского вагона.

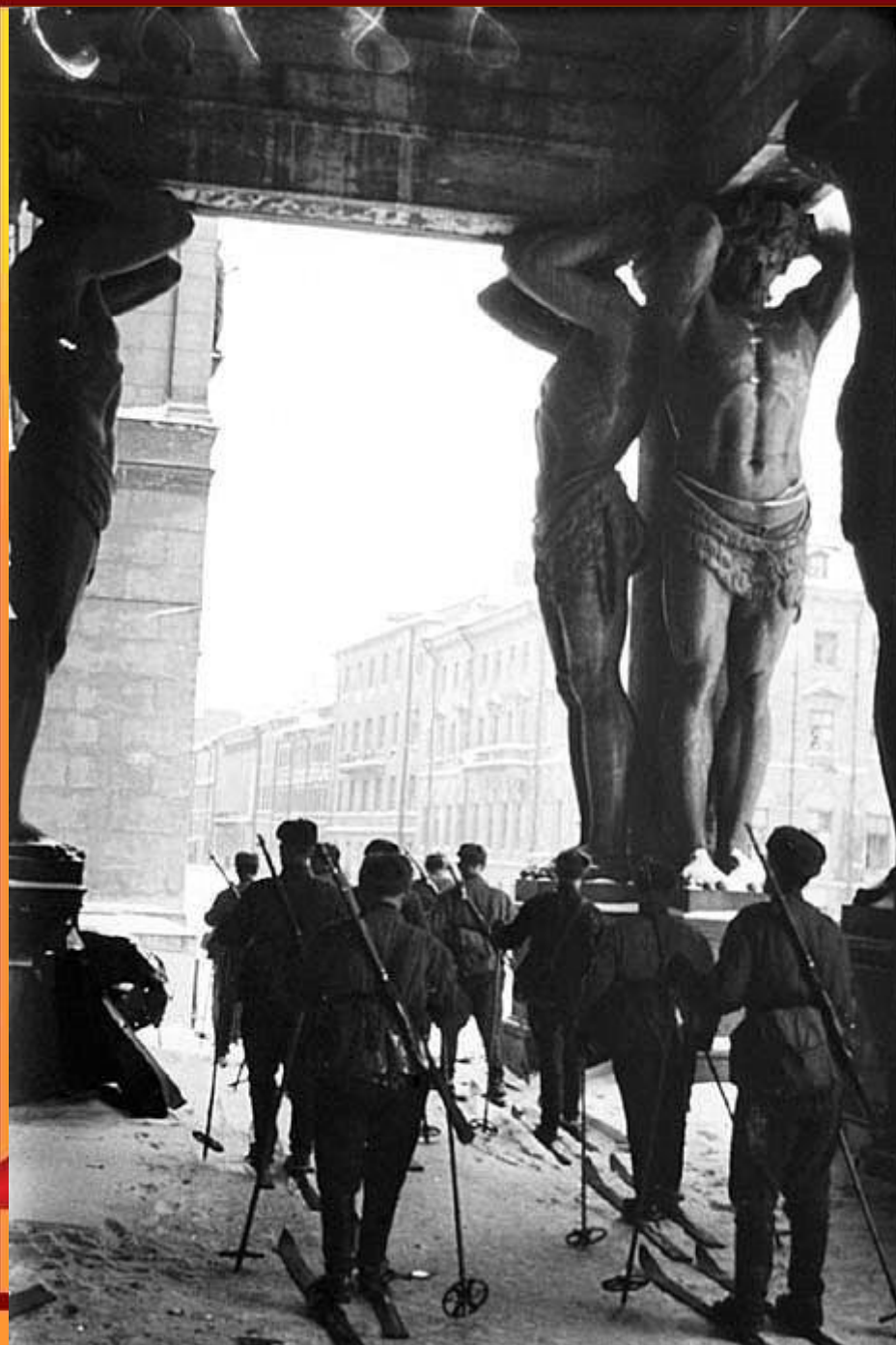
30 июня на товарную станцию Московского вокзала был подан литерный поезд, состоящий из 22 больших четырёхосных вагонов, одного бронированного и одного классного для сопровождающих и для отдыха бойцов военной охраны и платформы с зенитными орудиями.

К вечеру к Эрмитажу стали подъезжать машины для погрузки ящиков, уже спущенных вниз военными и моряками к подъездам музея. В сопровождении научных сотрудников и вооружённых бойцов к Московскому вокзалу от каждого подъезда двинулись машины.

В ночь на 1 июля эшелон отправился в путь. Его начальником и директором филиала Государственного Эрмитажа на месте прибытия был назначен профессор Владимир Францевич Левинсон-Лессинг. Только он один знал, куда направляется этот железнодорожный состав. (Свердловск-Екатеринбург)

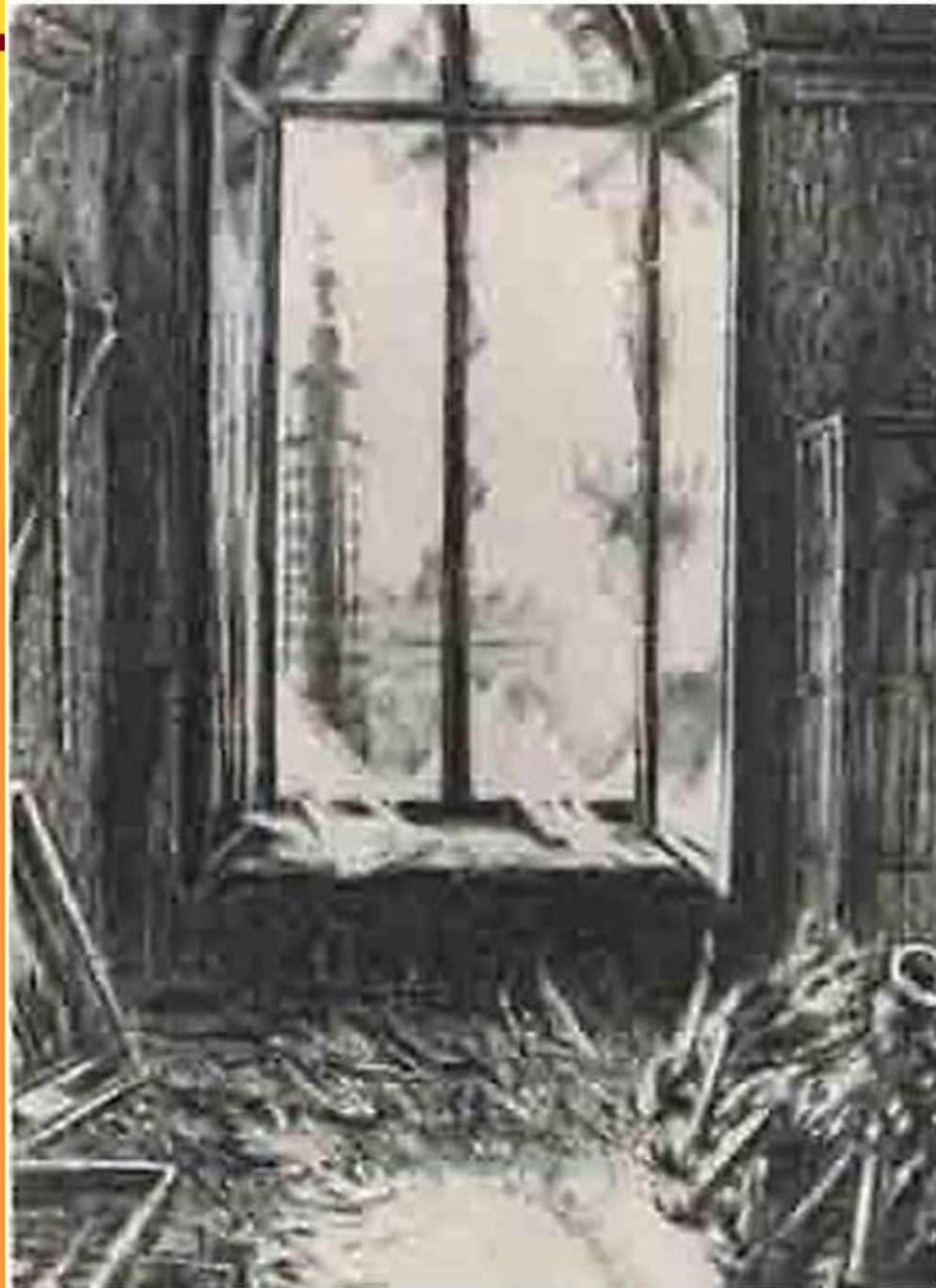

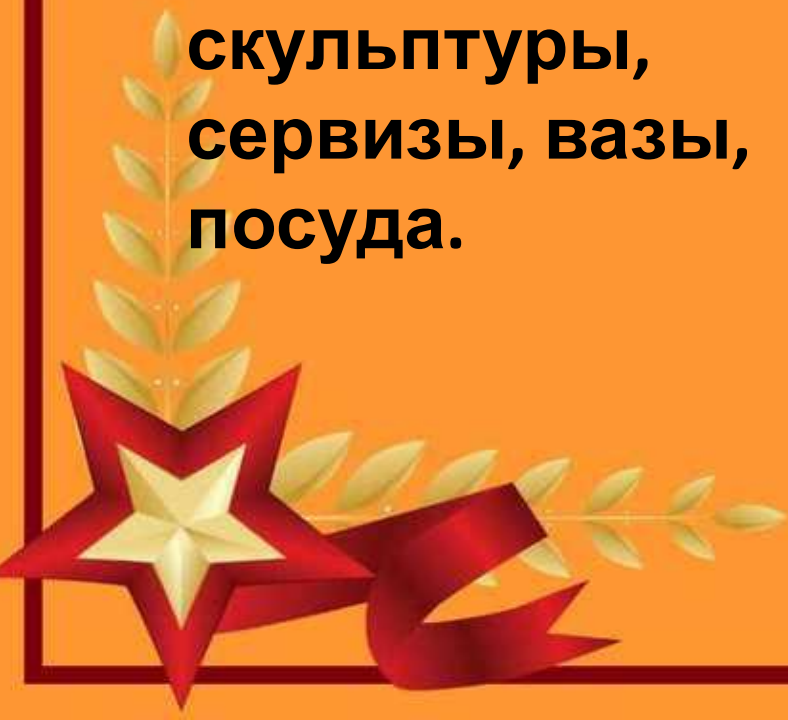
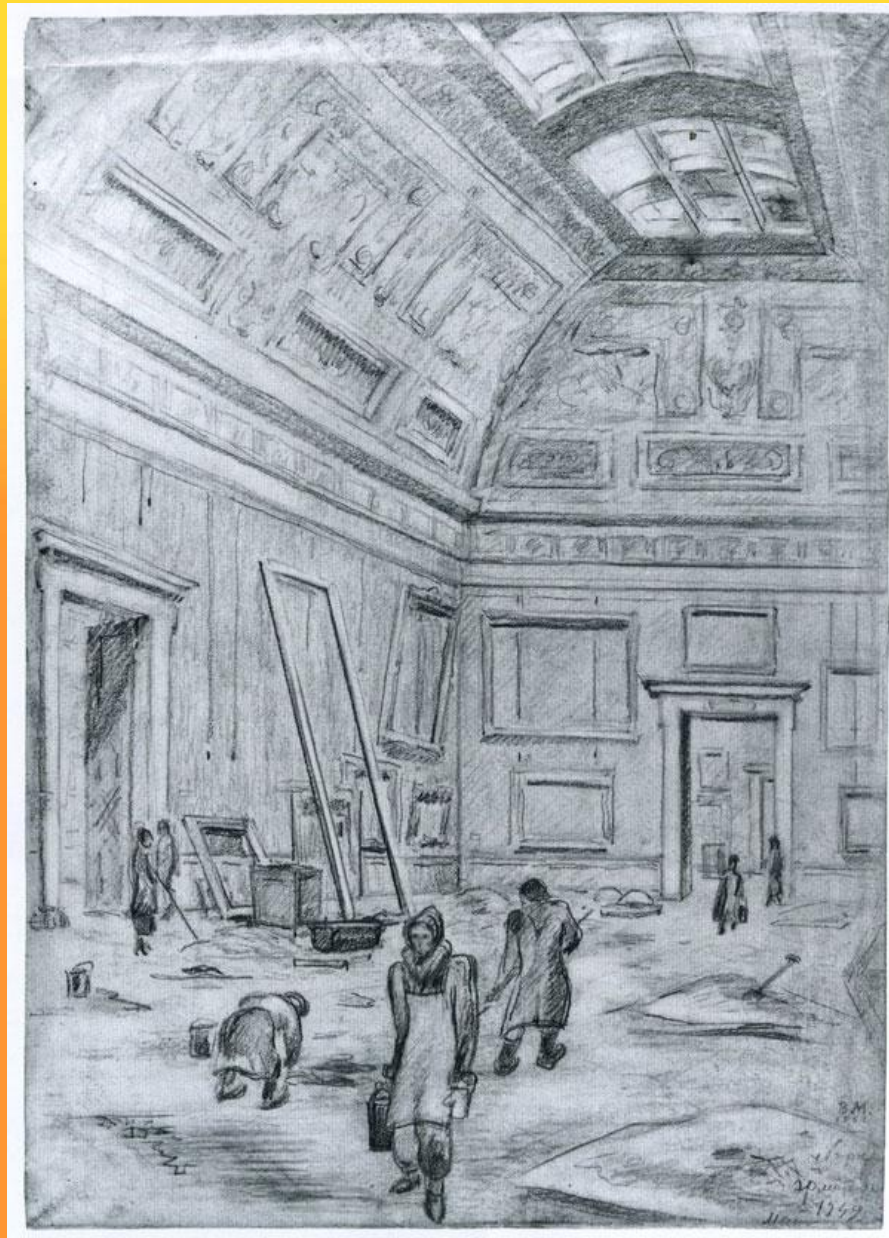
**Окна
заколачивались
фанерой после
бомбежки, так как
разбивались стекла.**

**Но и фанера долго
не выдерживала,
приходилось
забивать окна
каждый раз по-
новому.**

© В.В. МИЛЮТИНА, «Окно Эрмитажа», 1942

**В песок
закапывались
произведения
из фарфора,
скульптуры,
сервизы, вазы,
посуда.**

Какими они были, блокадные помещения Эрмитажа, какими были его истощённые обитатели? Послевоенные поколения никогда не узнали бы об этом, если бы ни рисунки тех, кто жил и работал здесь.

Ведь фотографировать в осаждённом городе с самого начала войны было категорически запрещено. Все фотоаппараты и радиоприёмники по приказу городских властей необходимо было по законам военного времени сдать.

Художник, академик архитектуры Александр Никольский день за днём, «шаг за шагом», рисовал Эрмитаж. Так родилась подлинная видеолетопись музейной жизни. Эти рисунки находятся ныне в эрмитажных фондах рядом с шедеврами величайших мастеров графики.

**Александр Сергеевич
Никольский (1884—1953) —
советский архитектор.**

В 20-х гг. совместно с другими архитекторами осуществлял проектирование и застройку Тракторной улицы (1925—1927), Серафимовского участка Кировского района, по его проектам возведена школа на проспекте Стачек (1927), Ушаковские бани,

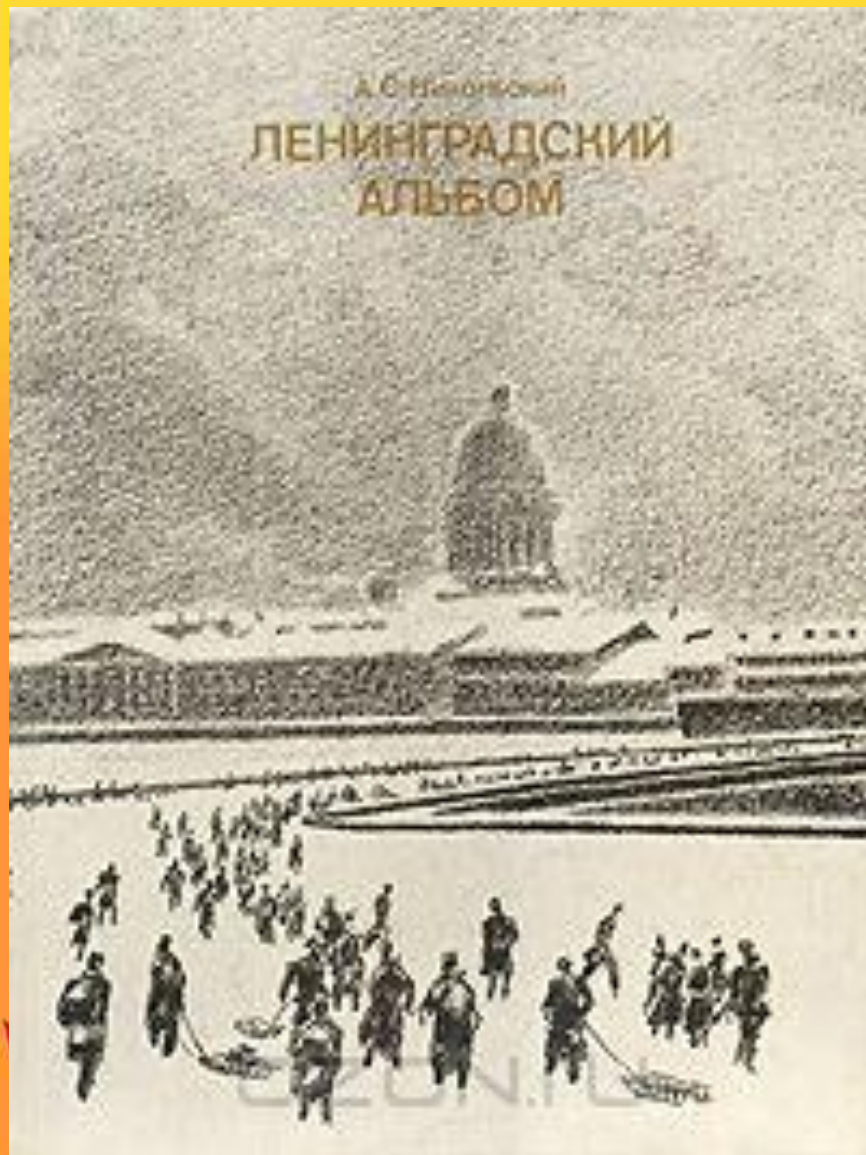
В 1930-х годах работал в области проектирования и строительства спортивных сооружений: Стадион имени С. М. Кирова в Приморском парке Победы, стадионы металлистов и Красный путиловец.

Перестраивает Путиловскую церковь, построенную в 1900—1906 годы при Путиловском заводе по проекту В. А. Косякова в псевдорусском стиле, под заводской клуб «Красный Путиловец» в стиле петроградского супрематического конструктивизма.

Автор цикла рисунков и гравюр, выполненных в осаждённом Ленинграде, и альбома рисунков «Парк имени С. М. Кирова» (издание 1950).

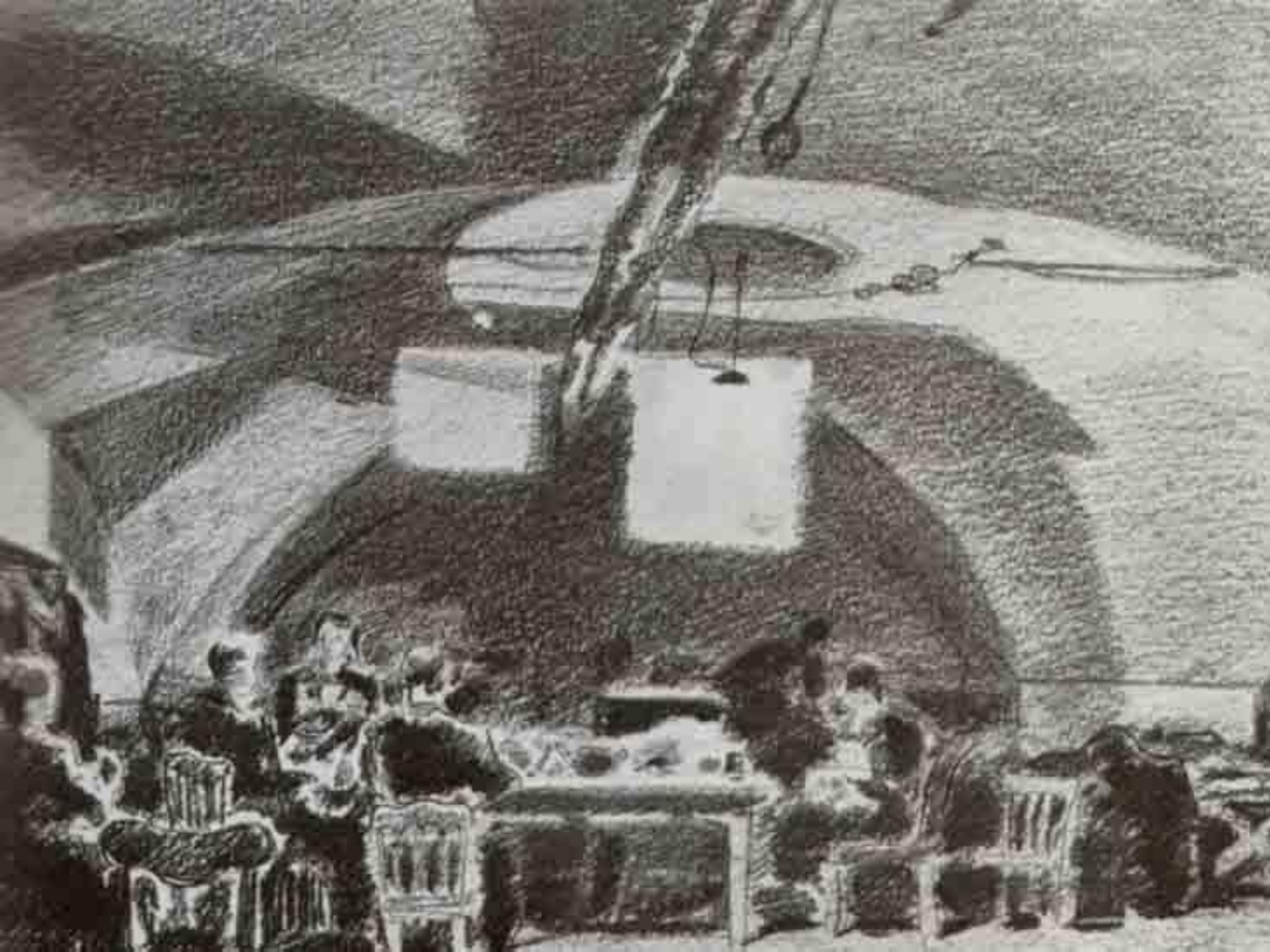
Умер 16 июля 1953 года. Похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

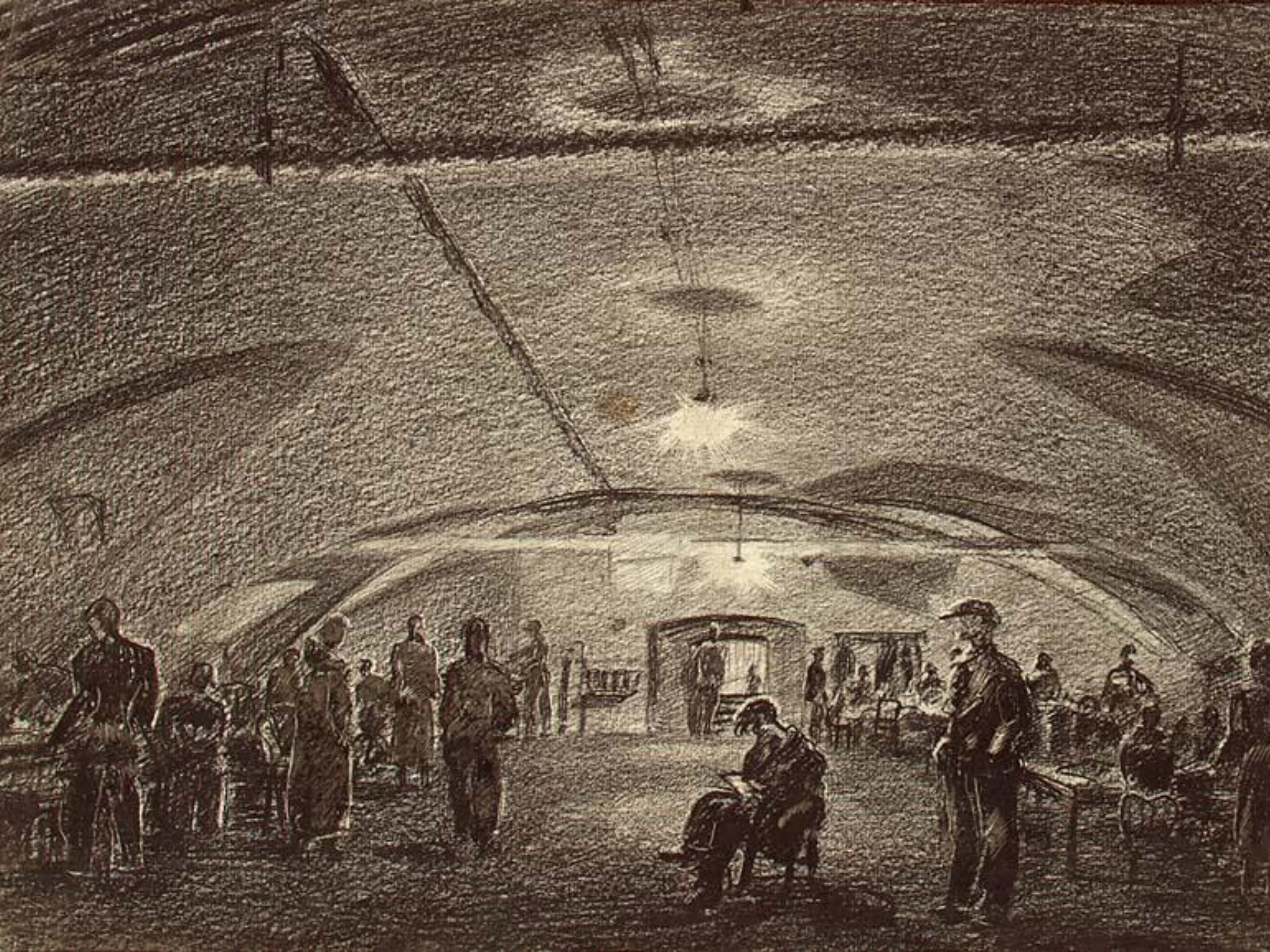

В дни блокады А.С. Никольский вел

**иллюстрированный
дневник (частично
опубликован в
сборнике
«Советская
архитектура»,
выпуск 18), почти
полностью текст и
рисунки дневника
напечатаны в книге
«Ленинградский
альбом» в 1984 году.**

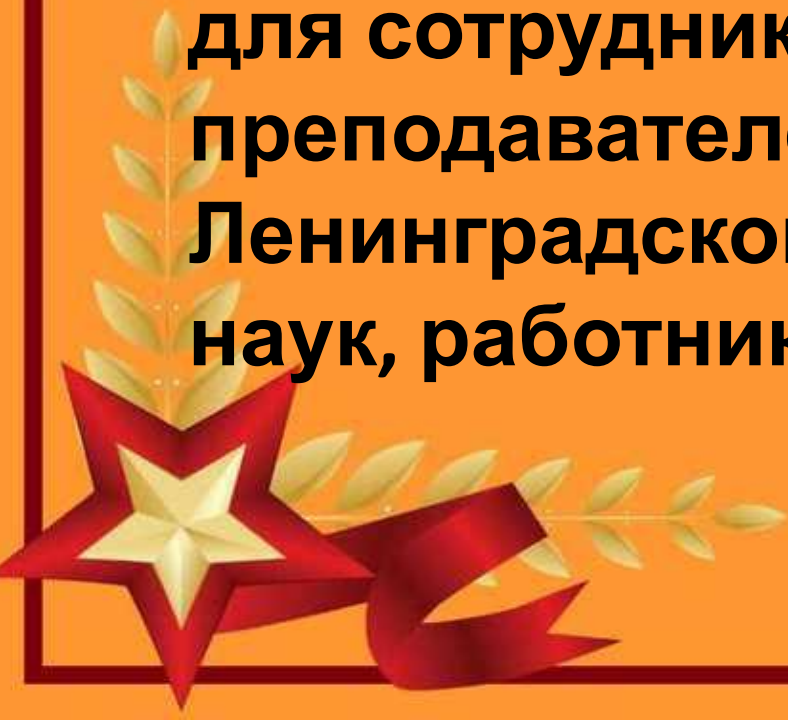
«Самой объемной работой была подготовка бомбоубежищ в подвалах, которые надо было приспособить для жилья, изготовить и расставить койки, заложить кирпичом окна, подготовить канализацию.

Когда в сентябре начались систематические налеты немецкой авиации, то в бомбоубежищах Эрмитажа и Зимнего дворца жило две тысячи человек: оставшиеся сотрудники музея с семьями, ученые, музейные работники, деятели культуры и другие, также с семьями...»

Б. Б. Пиотровский

К оборудованию бомбоубежищ в Эрмитаже приступили после первых налётов авиации.

Всего функционировало 12 бомбоубежищ, предназначенных для сотрудников музея, художников, преподавателей, сотрудников Ленинградского отделения Академии наук, работников искусств и их семей.

Никольский Бомбоубежище Эрмитажа

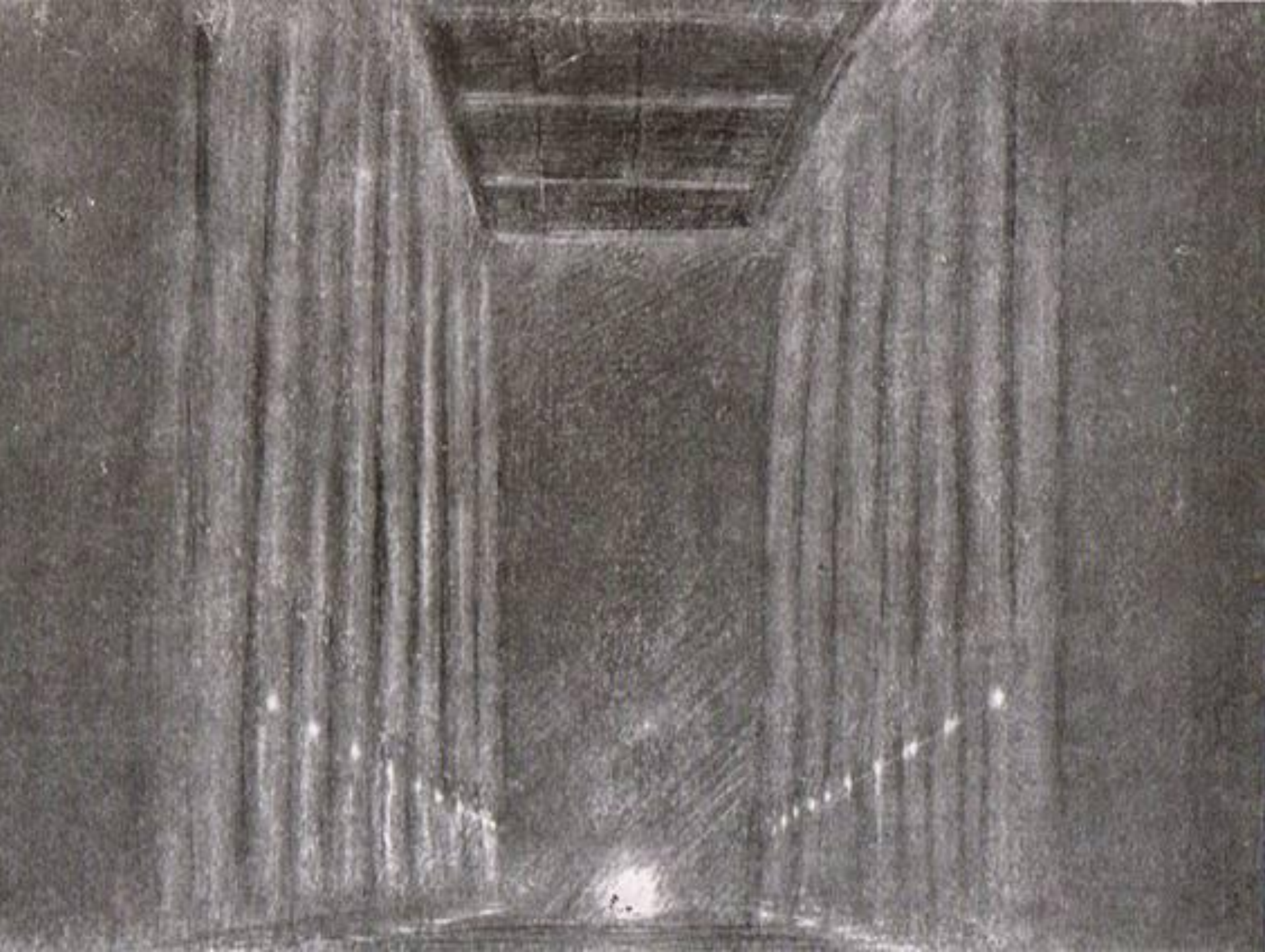

«Вход в бомбоубежища 2-е и 3-е — через Двдцатиколонный зал. Ночью этот путь был поистине фантастичным до жуткости. Светомаскировки на больших музейных окнах не было, и, следовательно, света зажигать было нельзя.

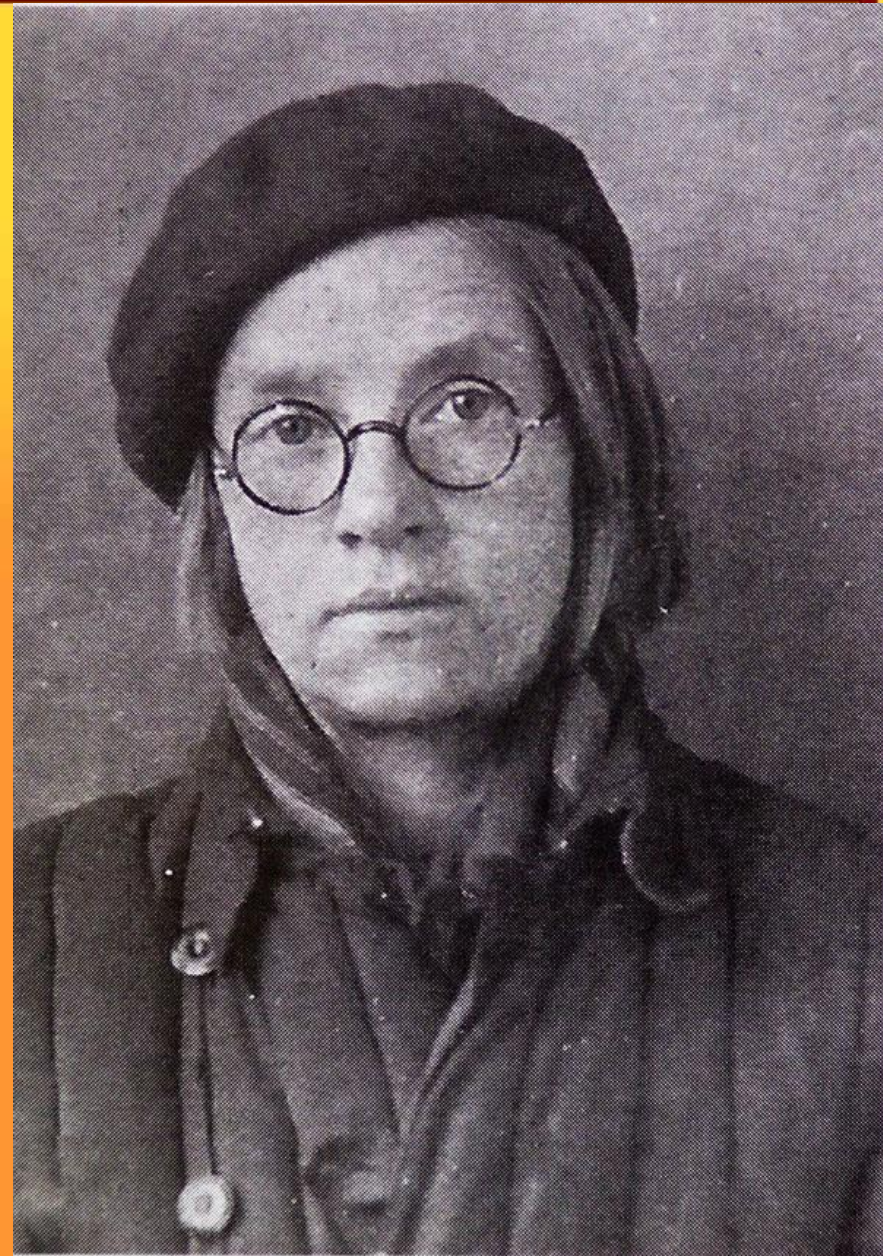
Поэтому в Двдцатиколонном зале — в торцах его — стояли на полу аккумуляторы с маленькими электрическими лампочками. Все остальное было черно как сажа. Впереди в кромешной тьме мерцал маленький путеводный огонек. Собьешься с пути — наткнешься на колонну, витрину или косяк двери».

Архитектор А. С. Никольский

Нескольким ленинградским художникам поручили рисовать залы музея. Одной из них была Вера Милютина, работавшая до войны художником в Малом оперном театре. В самую холодную зиму 1941-42 года она каждый день ходила с Выборгской стороны в Зимний. В ее рюкзаке лежали две доски для рисования, бумага, калька, карандаши. В руках - палка - «друг дистрофика», без которой большинство ослабевших от голода горожан не могли передвигаться. Ведь весила тогда Вера Владимировна всего... 28 килограммов. Кстати, в Эрмитаже ее подкармливали: художникам давали тарелку супа в музейной столовой. Рисовали в рукавичках, так как руки страшно мерзли. Милютина писала картины черным карандашом и углем, чтобы подчеркнуть трагический колорит пустых залов. Она запечатлела Висячий садик, Золотую гостиную, зал Рембрандта, Рыцарский зал. Художница умерла в 1987 году в возрасте 85 лет. Сейчас ее картины стоят на мольбертах там, где она их рисовала, - в Эрмитаже, чтобы посетители могли

**Вера Милютина. 1943
год**

«Полностью использована вся площадь в Висячем саду и почти вся полезная площадь на Большом дворе. Окучка картофеля и прополка гряд произведены своевременно».
Из отчёта за июль 1942 г.

© В.В. МИЛЮТИНА, «Окно Эрмитажа», 1942

afg-hist.ucoz.ru

«Зал Рембрандта». Вера

Вера
1942

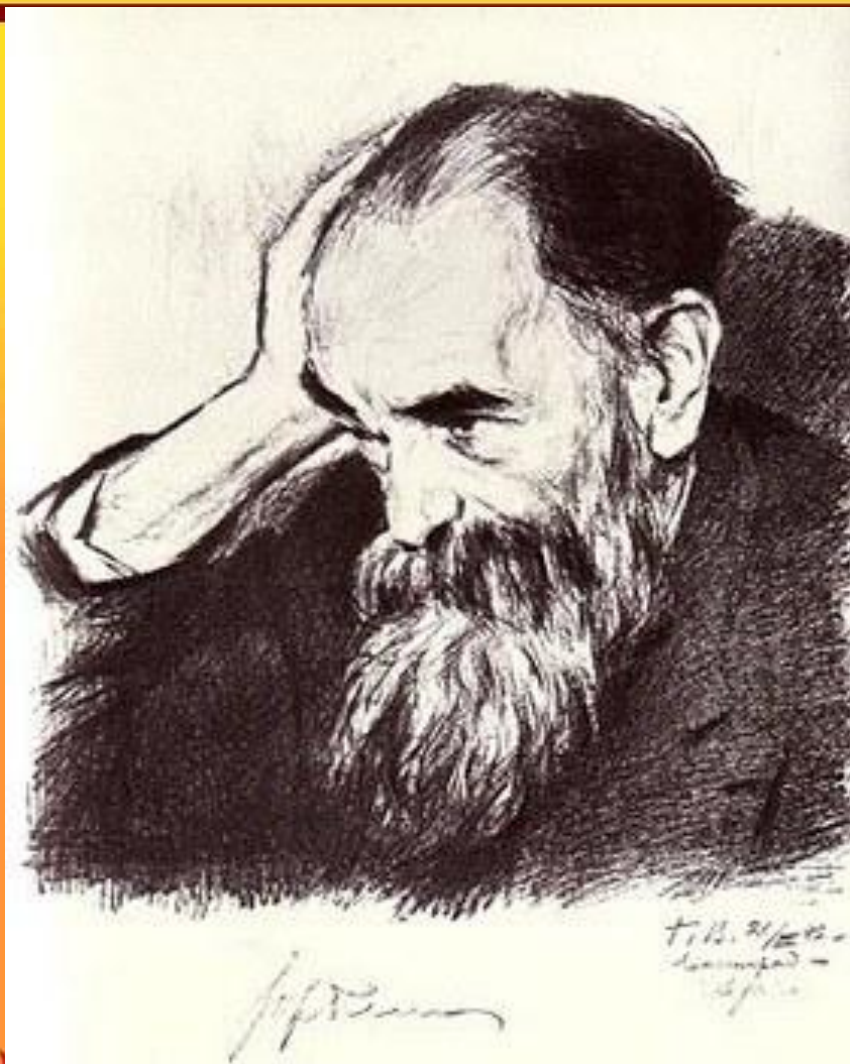
Василий Кучумов

Иосиф Абгарович Орбели

российский и советский

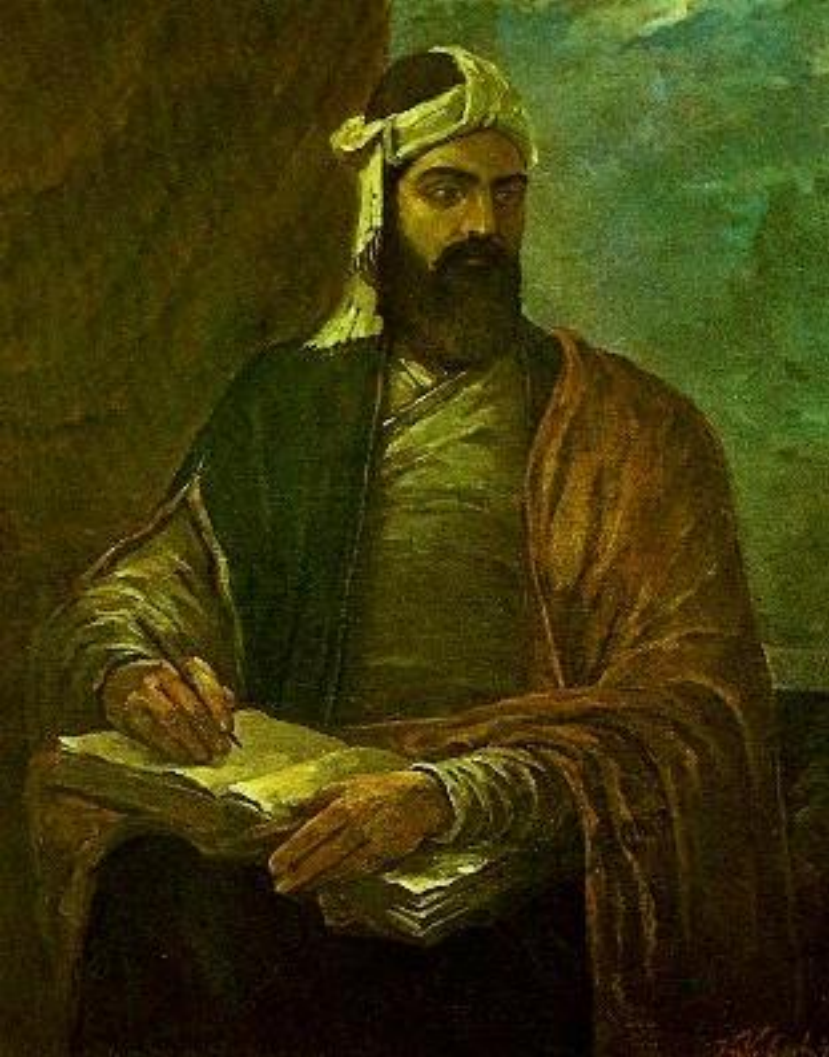
востоковед и
общественный
деятель,
академик Академии
наук СССР (1935),
академик Академии
наук Армянской
ССР и

её первый президент
(1943—1947).

T.H. 20/21

Низами Гянджеви родился около 1141, Гянджа(в н. в. — город в современном Азербайджане) — около 1209, там же) — классик персидской поэзии, один из крупнейших поэтов средневекового Востока, крупнейший поэт-романтик.

Его творчество оказало влияние на культуру таких стран, как Азербайджан, Армения, Афганистан, Грузия, Индия, Иран, Пакистан, Таджикистан, Турция, Узбекистан.

1991 год был объявлен ЮНЕСКО годом Низами в честь 850-летия поэта.

«Люди света» — так назвал Николай Тихонов свой очерк о блокадном Ленинграде. Стержнем его стало описание жизни военного Эрмитажа.

«В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя-человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества». Воюющая страна практически не праздновала ничего, кроме юбилеев политических событий.

Ни в Москве, ни в Баку юбилей Низами, конечно, не отмечали.

И только Ленинград сделал его праздником — «всем смертям назло».

Отмечали и 500-летие Навои, великого узбекского поэта в зале, где температура дошла уже до минус 12 градусов.

После вступительного слова академика Орбели, научных докладов, чтений переводов Навои, сделанных фронтовиками — сотрудниками Эрмитажа, — состоялась и выставка — явление абсолютно уникальное для осаждённого города.

В витрине Школьного кабинета были выставлены фарфоровый бокал и коробочка с росписями на темы произведений Навои, выполненные специально к этому дню замечательным художником Михаилом Мохом.

Для обжига этих изделий в муфельной печи электричество в Эрмитаж дал корабль «Полярная звезда», стоявший на Неве около служебного подъезда музея.

Зал, затаив дыхание, слушал ученого-востоковеда – ученика академика Орбели. Затем опять слово взял Николай Лебедев:

Строки Навои звучали в переводе Николая Лебедева, который сам мечтал всецело посвятить себя поэзии.

- После второго заседания, на котором он читал Навои в переводе и в оригинале – на староузбекском (чагатайском) языке, Николай Федорович очень устал, - запишет в своем дневнике Б. Пиотровский.
 - Он медленно умирал на койке в бомбоубежище и, несмотря на физическую усталость, читал свои переводы и стихи.
- Он уже был мертв, покрытый цветным туркменским паласом.

А нам казалось, что он все еще шепчет стихи.

На покато́м своде подвала по-латыни были начертаны слова, брошенные Архимедом римскому воину, занесшему над его головой окровавленный меч завоевателя:

**NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS!
(НЕ ТРОГАЙ МОИ ЧЕРТЕЖИ!)**

**Борис Борисович
Пиотровский (1 (14)
февраля 1908, Санкт-
Петербург — 15
октября 1990,
Ленинград) — советский
учёный-
археолог, востоковед;
действительный
член АН СССР с 24
ноября 1970 года по
Отделению истории
(история культуры).**

**В течение многих лет
возглавлял Государстве-
нный Эрмитаж.**

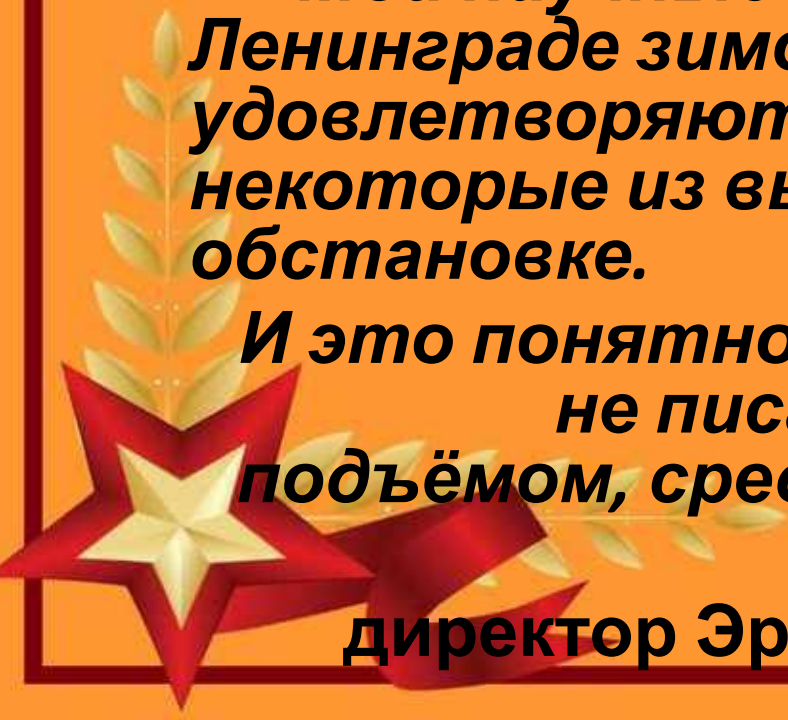
**Ныне музеем
руководит его
сын М. Б. Пиотровский**

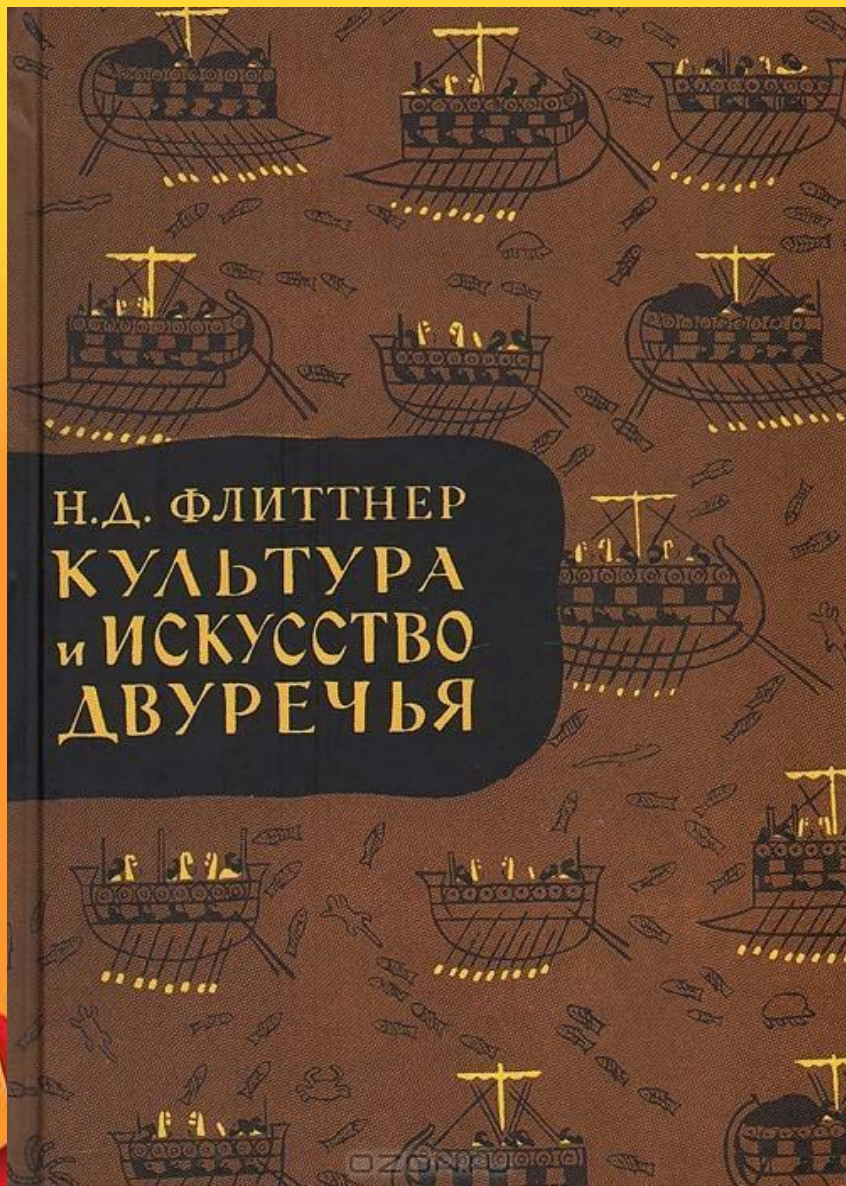
«Научная работа очень облегчила нам тяжёлую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях, и, так же как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе...

Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/42 года, удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке.

И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с большим подъёмом, среднее исключалось вовсе», — вспоминал впоследствии директор Эрмитажа Борис Пиотровский.

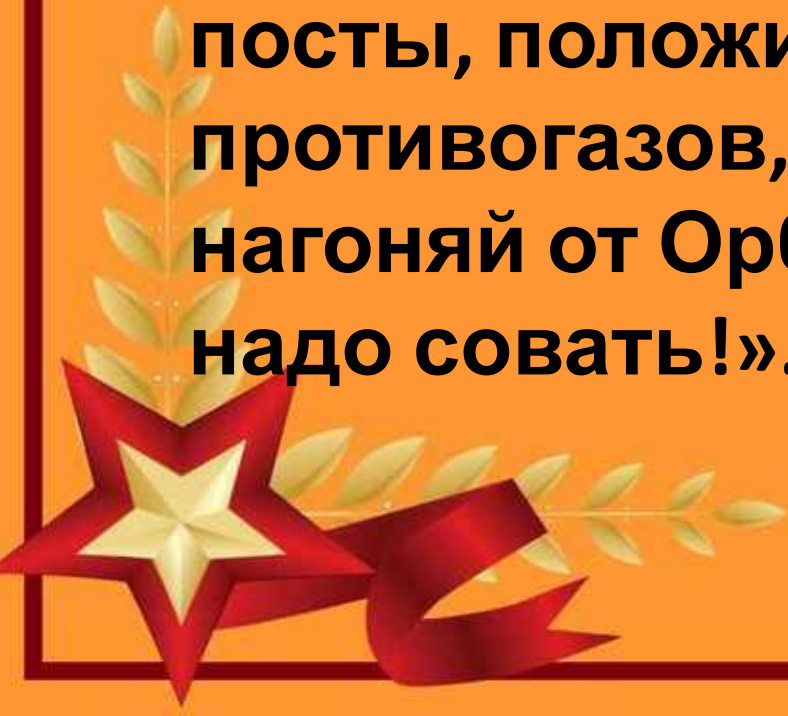
Вот лишь некоторые научные труды, созданные в блокадном музее в 1941–1942 годах: Иосиф Орбели — исследование армянской средневековой литературы, Борис Пиотровский — книга «История культуры и искусства Урарту», Владислав Глинка — очерки о героическом прошлом русской армии, Эрнест Кверфельдт «История мебельных форм на Западе», Наталья Флиттнер — глава из коллективной работы «Искусство Древнего

«Доктор исторических наук профессор Наталья Давыдовна Флиттнер была всем известна как крупный исследователь культуры Древнего Востока. В годы блокады эта маленькая и сухонькая старушка читала лекции в военных госпиталях. Один из ее слушателей говорил: «Придет, бывало, к нам ваш профессор, сядет на стул или даже на стол и начнет рассказывать про гробницы древних фараонов, да так

**Ещё одно свидетельство
повседневного мужества: во время
многочасовых бомбёжек сотрудники
Эрмитажа коротали время, читая
научную литературу.**

**Причём книги эти брали с собой на
посты, положив в сумку от
противогазов, за что «получали
нагоняй от Орбели: за пояс книги
надо совать!».**

«Полностью использована вся площадь в Висячем саду и почти вся полезная площадь на Большом дворе. Окучка картофеля и прополка гряд произведены своевременно».

Из отчёта за июль 1942 г.

«В ноябре продовольственное положение резко ухудшилось. Гражданское население стало получать на день 125 грамм хлеба, бойцы местной обороны 200 грамм и изредка суп...

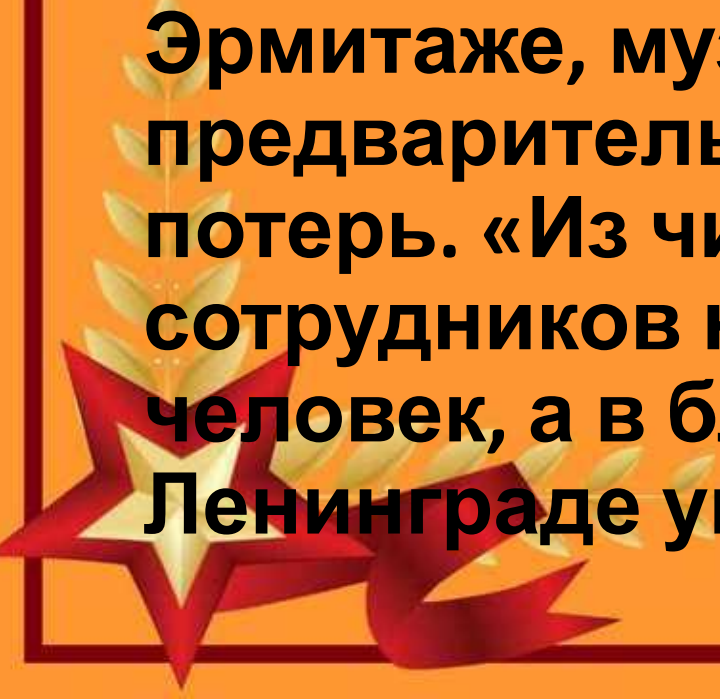
Иногда в качестве десерта выдавалась половина таблички столярного клея, а кусочек осетрового клея из реставрационных запасов казался верхом роскоши». Б. Б. Пиотровский

«Невыносимо хотелось есть зимой 1941-1942 года... Как-то раз особенно щедрыми оказались матросы на Дворцовой набережной.

Они кинули мне целую охапку душистых веток сосны. Весь путь домой я их грызла, дотла уничтожила и нежную кору и иглы... Весной же 1942 года трава была таким же спасением, как столярный клей, как

Как гласят бесстрастные документы, список штатных сотрудников блокадного музея сократился «по причинам естественной убыли».

В 1944 году, когда Совет народных комиссаров СССР вынес решение о восстановительных работах в Эрмитаже, музей подвёл предварительные печальные итоги потерь. «Из числа научных сотрудников на фронтах погибло 6 человек, а в блокированном Ленинграде умерло 43 сотрудника».

КОДАРТВЕННИ
ЭРМИТАЖ

**ВРЕМЕННАЯ
ВЫСТАВКА
ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА
И КУЛЬТУРЫ,
ОСТАВАВШИХСЯ
В ЛЕНИНГРАДЕ
ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ**
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
С 11 Ч. УТРА ДО 16 Ч. ДНЯ
КРОМЕ ПОНЕДЕЛЬНИКОВ
ДВОРЦОВАЯ НАБ. 34
СОВЕТСКИЙ ПОДЪЕЗД

**В день полного
снятия блокады 27
января 1944 года**

начата подготовка выставки.
Она открылась 8 ноября 1944
года в Павильонном зале и
Романовской галерее.

Для этого нужно было в
короткие сроки произвести
титаническую работу: убрать
около 30 кубометров песка,
которым были засыпаны
полы, натереть около
полутора тысяч квадратных
метров паркета,
восстановить выбитые
стёкла в 45 окнах...

**80 тонн битого стекла и
снега** ручным способом
вынесли сотрудники
Эрмитажа за 1 квартал 1943
года.

В ноябре 1945 года начался Нюрнбергский процесс.

«Я не артиллерист. Преднамеренность артиллеристского обстрела Эрмитажа для меня и всех моих сотрудников была ясна потому, что повреждения причинены музею не случайным артиллерийским налётом, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые велись на протяжении многих месяцев. Я никогда не был артиллеристом, — парировал Орбели фразой, которая впоследствии стала легендарной.

— Но в Эрмитаж попало тридцать снарядов, а в расположенный рядом мост — всего один. Я могу с уверенностью судить, куда целились фашисты. В этих пределах — я артиллерист!»